

— 1991. — июль (№ 14)

Вл. Высоцкий: «Да зачем вам факты моей биографии? Кому это интересно: родился, жил... В моей жизни были другие моменты, которые были для меня гораздо важнее».

Что имел в виду поэт — людей или какие-то события, останется его тайной. Сегодня, 25 июля, в день его смерти, мы решили: пусть о Володе расскажут его друзья. Втайне надеясь, что их воспоминания, может быть, и есть те «моменты», которые были для Высоцкого «гораздо важнее» «фактов биографии».

Этот снимок, как и тот, что публикуется на первой полосе нашей газеты, сделан Игорем Бахтиным на улице Москвина в БКП. БКП — Большой Коршевский Подвал по улице Москвина, дом 8 — был тогда местом встреч журналистов окрестных редакций с актерами и учеными. Но чаще всего собирались просто взаимоприятные люди. И потому состав их был непредсказуем.

В тот день Владимир был немножечко грустный. Рейтинг «взаимоприятности» у Высоцкого был тогда очень высок. Мы встречались с ним на Дальнем Востоке и на Черном море, в Доме журналистов и студенческих клубах. Вряд ли тогда осознавали масштаб его личности. Скорее — чувствовали. Да и весь образ его, который рождался из песен, был, по-моему, жестче и энергичнее, чем реальный характер — чуткий, очень живой и столь же ранимый.

На вопрос, где осталось его хорошее настроение, он не ответил. А сказал, что «покажет» новую песню. И спел про жирафа, которому видней. Песня известная. Но так, как она звучала тогда, — ни в одной из записей аналога с тех пор слышал. Не лучше, не хуже — иначе.

Сейчас, когда собраны почти все стихи и песни Высоцкого, остро осознаешь, что можно восстановить «портрет личности». Но не саму личность. Владимир Высоцкий в песнях своих «показывал» не только сюжет, смысл, но и конкретный день, час бытия.

Послушайте сегодня Александра Градского. Поймите его, пока не поздно. Только на холсте роза цветет круглый год.

С. МОХОВОЙ

«На Большой Каретной»...

Михаил Туманишвили: «Основной состав нашей компании на Большой Каретной в конце 60-х — это Лева Кочарян, у которого мы собирались в трехкомнатной квартире, Толя Утевский, Артур Макаров, Юра Гладков, Володя Высоцкий, Олег Савосин. Это был наш родной дом, куда мы могли прийти когда угодно и с кем угодно.

В конце 1961 года меня пригласили попробовать в картину «713-й просит посадку». В этой же картине пробовался и Володя. Мы оба претендовали на одну роль морского пехотинца. И Володя был утвержден. На съемку надо было ехать в Ленинград, и я пришел на вокзал проводить его. В одном вагоне с ним ехала очень красивая девушка. А в то время ни одну симпатичную девушку оставить без внимания мы просто не могли. Я говорю Володе: «Ты эту девушку потом обязательно приведи к нам». И он: «Обязательно приведу!» А сам женился на ней, — там же, в Ленинграде! Это была Люся Абрамова, которая снималась в этом фильме.

Туманность Андромеды

1964 год. Зима. Глубокой ночью я вдруг проснулся. Мне показалось, что чем-то кинули в окно. Падал пушистый снег. Абсолютная тишина... И на засыпанной улице около машины стояла фигурка в шапке-ушанке, также засыпанная снегом. Это был Володя. Увидев меня в окне, протяжно продекламировал: «Мишаня, я легоньким снежочком бросил в стеклышко, чтобы не разбить тебе окно. Я из Ленинграда приехал. У тебя нет пятерочки?»

У меня тогда ночевал один из братьев Савосиных и еще кто-то. На всех у нас была одна пятерка — до зарплат. Естественно, она перешла к Володе. Он моментально купил бутылку водки — у таксистов в то время была такая цена — и поднялся. Потом он заставил всех лечь спать, а сам сел за стол. Утром он нам спел две песни. Одну прекрасно помню — это песня про китайцев. Тогда появилось и четверостишие про меня: «Туманная туманность Андромеды, Туманов Мишка тоже весь в тумане. Но несмотря на горести и беды, всегда найдет он пять рублей в кармане».

«Штрафные батальоны»

Совершенно неожиданно в ноябре 1963 года мы с Володией отправились в длительную поездку по Сибири. У нас что-то не клеилось дома, и мы грустили по поводу «поломанных» жизней в буфете Театра киноактера. К нам подходит незнакомый мужчина и с ходу предлагает поехать в концертную поездку. И мы, долго не думая, согласились. Авантюрное начало в нас тогда было очень сильным.

Мы вылетели под самый Новый год. И добирались до Томска трое суток, садясь из-за нелетной погоды на всех возможных аэродромах. До отлета у меня было в кармане тридцать рублей, а у Володи — трешник. Но все деньги мы просадили в ресторане Внуково, ни на минуту не сомневаясь, что в Томске станем обеспеченными людьми. Нас спасли итальянские сувениры, чудом оказавшиеся у меня с собой, которые Володя дарил стюардессам все трое суток. За это они нас подкармливали в гостиницах, куда нас определяли ночевать. А в Новосибирске мы подружились с одним военным. Он летел в отпуск из Германии и вез с собой десятилитровую канистру спирта. Конечно, от нее ничего не осталось...

В общем, мы прилетели в Томск небритые, заросшие и совершенно потерянные для искусства! Нас долго отмывали, отпаривали и отмывали. Уже на следующий день мы выступили: придумывали на ходу какие-то хохмы и веселили друг друга со страшной силой. Мы получали огромное удовольствие, и, думаю, зрители тоже.

Однажды из-за какой-то задолженности к нам приехал директор калмыцкой филармонии, от которой мы выступали. Суровый такой мужчина, прошедший всю войну в штрафных батальонах. И вот за столом Володя спел ему свои «Штрафные батальоны» и «Мне этот бой не забыть никогда». Я тогда впервые увидел, как взрослый сильный человек может «сломаться» на Володиных песнях. Он просто сидел и плакал. Может быть, он пошел на какое-нибудь служебное нарушение, я не знаю, но он простил все долги нашему руководству.

После «круиза» мы Володю немного одели-обули, и он стал готовиться к поступлению на Таганку. От нас он уехал в новом пальто и шапке поступать к Любимову — и поступил».

«Ну сто я вам, небыта, сказу»...

Марина Добровольская: «Некоторые Володины рассказы записать было невозможно.

В конце 50-х годов в нашу страну впервые приехал итальянский певец Марио Дель-Монако, которые пел вместе с Ириной Архиповой в «Паяцах». Один из первых рассказов Володи был о Дель-Монако от имени Сережи из Марьиной Рощи.

«Ну, там в профкоме дани эти бинеты. Они же сездесят нубней стоят! Ну, я это, Нюнке говоно... Я же пенедовик, вобсе... Это же сестой няд пантена! И как мы долзны выгнядети! Ну, Нюнка после смены спать вобсе не стана, сназу в панихмахенскую... Ну, сени мы в сестой няд... Там, это... стемнено... Высен этот с паноской, пни панаде, весь в ченном... Тут, это... музыка, хоть пнась... Нюнка сназу захналена, ну, понимаеь, она же не спана... Ну, сто я вам, небыта, сказу... Дель-Монака... Мона быть, он и певец. Мона быть, и итаннянский... Мона быть, я нисево не говоно. Но ведь нисево не понятно!»

Жеглов на «мерседесе»

Алексей Штурмин: «Снимался фильм «Место встречи изменить нельзя». Времени у Володи было очень мало, и ему приходилось ездить по Москве в костюме Жеглова. Представьте — в галифе, в коричневом пиджаке с орденом Боевого Красного Знамени и на... «мерседесе». Однажды мы захали пообедать ко мне домой. Мама увидела Высоцкого в таком одеянии и спрашивает: «Володя, у вас орден? Когда и за что вы успели его получить?» Мама вообще очень любила Володю.

Никогда не забуду, как Володя подарил мне дубленку. Тогда я купил довольно дешево, за пять с половиной тысяч, свою первую машину «Жигули». Но для меня это была сумма! В общем,

«Две

денег у меня совершенно не было. Я приехал к Володе похвастаться покупкой. А тут, как назло, закрывая капот машины, острым углом вырвал клоч из куртки. И в таком виде, прикрывая дырку рукой, захожу к Володе. Со словами: «В такой мороз... в болоньевой куртке... Ты что, с ума сошел!» — достает из шкафа дубленку и начинает ее дарить. Я сопротивлялся изо всех сил, но если Володя что-то решил, то спорить было совершенно бесполезно. Этот Володин подарок до сих пор у меня».

Лекарство из посольства

Юрий Петрович Любимов: «Я очень болел, а жена с сыном были в Будапеште (моя жена — венгерка). Лежа с температурой за сорок в полубессознательном состоянии, слышу: кто-то настойчиво звонит в дверь. По стенке, по стенке долго-долго шел. Кое-как открыл дверь. Володя, увидев меня в таком состоянии, говорит: «Подождите! Я сейчас приеду!» Я даже не помню, сколько времени его не было. Оказывается, он на своей машине, мимо обалдевших милиционеров, въехал в американское посольство и достал там какой-то очень сильный антибиотик. Я пил лекарство каждые четыре часа. Через два дня температура спала».

Случай на таможне

Бабек Серуш: «Свой диск «Натянутый канат» с надписью «Первому из москвичей, первому из иранцев!» Володя подарил мне в Париже в 1974 году. Тогда он поразил меня своей любознательностью, умением схватывать суть. Володя интересовался моими делами, бизнесом — как это делается. И я видел, что ему действительно интересно. А как он рассказывал! Когда он заходил ко мне на работу в бюро и с ходу начинал что-нибудь рассказывать, — все бросали работу. Стоял такой хохот!..

Один раз он помог пройти моему двоюродному брату через таможню. А дело было так. Одна организация выдала ему визу, а другая — не продолжила. А мы уже взяли билеты и должны были лететь вместе. Об этом узнал Володя и так спокойно говорит: «А, ерунда!»

Он прошел с нами через таможню, где его все знали, к пограничникам. Я подаю свой паспорт, у меня все в порядке. И тут Володя начал демонстративно меня обнимать. Пограничник его узнал и стал куда-то звонить по телефону. Пришли еще несколько офицеров. Володя у них спрашивает: «Отку-